

От автора мирового бестселлера
ДЖОНАТАН СТРЕНДЖ & МИСТЕР НОРРЕЛЛ

СЮЗАННА КЛАРК

ПИРАНЕЗИ

Сюзанна Кларк

Пиранези

Серия «The Big Book»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63016772

Пиранези : роман / Сюзанна Кларк: Азбука; Санкт-Петербург; 2020

ISBN 978-5-389-18906-5

Аннотация

Шестнадцать лет назад Сюзанна Кларк выпустила «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла» – книгу, разошедшуюся по миру тиражом свыше 4 миллионов экземпляров и признанную легендарным шедевром: «Так мог бы выглядеть роман „Мастер и Маргарита“, если бы его написал Диккенс» (А. Генис); «Лучшая литературная сказка на английском языке за последние семьдесят лет» (Н. Гейман). И вот наконец мы дождались второго романа Кларк. «Это событие первостепенной важности в мире литературы» (Daily Telegraph). Для человека, которого мы знаем как Пиранези, Дом с большой буквы – это целый Мир. «С начала Мира в нем точно существовали пятнадцать человек», и Пиранези – пятнадцатый. Он исследует бесконечные Залы, украшенные величественными Статуями, и составляет расписание Приливов, захлестывающих нижние этажи. На верхние этажи заплывают Облака и залетают птицы, а по вторникам и пятницам Пиранези встречает Другого. «Красота

Дома несказанна, – пишет Пиранези в своем дневнике. – Доброта его беспредельна». Но однажды он обнаруживает следы человека номер шестнадцать... «„Пиранези“ – изысканная шкатулка с сюрпризами, и внутри она намного, намного больше, чем снаружи», – пишет Дэвид Митчелл. «Фантастическое, ни на что не похожее и совершенно необходимое чтение», – вторит ему журнал *The Bookseller*. *Впервые на русском!*

Содержание

Сюзанна Кларк Пиранези	23
Часть первая	24
Когда в Третьем северном Зале вошла	25
Луна, я отправился в Девятый Вестибюль	
Описание Мира	27
Список всех когда-либо живших людей и	31
то, что о них известно	
Мои Дневники	38
Статуи	42
Существуют ли деревья?	45
Часть вторая	48
Шарф-бери	49
Белый крест	55
Птицы молча сидят в Шестом западном	63
Зале	
Затопленные Залы	65
Облака над Девятнадцатым восточным	67
Залом	
Разговор	71
Адди Домар	76
Ботинки	86
Список вещей, которые я получил от	88
Другого	

Никто из Мертвых не откликнулся на имя	92
Адди Домар	
Путешествие	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Сюзанна Кларк

Пиранези

О романе «Пиранези»

Обычно писать книгу принимаешься с крошечного зародыша истории, с чего-то, что, засев глубоко в подсознании, начинает ветвиться во все стороны. Некоторые идеи поселяются у тебя в голове, обживают там, становятся привычными, как мебель. Так, меня всегда восхищал Пиранези с его атмосферными офортами воображаемых тюрем – все эти огромные лестницы, тающие в полумраке своды, невозможная геометрия. А в графическом романе Алана Мура «Прометей» встретила такая фраза: «Все мы когда-нибудь грезили о том, как бродим в необъятном доме», – и я подумала: да, очень знакомо! Я как раз пыталась вымыслить такое место действия, чтобы читатель поразился, но в то же время подумал: «Погодите! Я же тут бывал... кажется?..» На это же работают многочисленные отсылки к Нарнии и к притчам Борхеса, особенно к его переделке мифа о минотавре в рассказе «Дом Астерия». К. С. Льюис и Борхес – не самое очевидное сочетание! Все мы, выросшие на книгах о Нарнии, свято уверены: где-нибудь когда-нибудь перед нами обязательно откроется платяной шкаф. И дорога на ту сторону.

Сюзанна Кларк

Что за мир Сюзанна Кларк создает на наших глазах, какой точный часовой механизм сюжета, какого чистого героя, каких бессовестных персонажей второго плана, сколько красоты, напряжения и сдержанности и какой виртуозный финал! «Пиранези» – изысканная шкатулка с сюрпризами, и внутри она намного, намного больше, чем снаружи.

Дэвид Митчелл

«Пиранези» меня ошеломил. Это чудо литературного мастерства, разом увлекательная загадка, приключения в блистательном вымышленном мире и глубокие раздумья о человеческой природе, о потерянности и обретении. Мне уже хочется вернуться в эти пугающие и прекрасные залы!

Мадлен Миллер (автор «Песни Ахилла» и «Цирцеи»)

«Пиранези» – великолепная, завораживающая детективная загадка, которая раскрывается страница за страницей. Именно такие книги я люблю вручать молча, чтобы не портить людям удовольствия самостоятельно открыть запрятанные внутри тайны. Эта книга – сокровище, выброшенное на пустынный берег и ждущее, когда его найдут.

Эрин Моргенштерн (автор «Ночного цирка»)

Воображение Кларк неисчерпаемо, темп повествования выбран мастерски, и она умеет

поставить иронию на службу величия.

Грегори Магвайр (The New York Times)

Никто не пишет о магии, как Кларк... Она пишет о магии так, будто и впрямь ее практикует.

Лев Гроссман (TIME Magazine)

Почти невозможно отложить книгу... выразительный, завораживающий, трогательный и пронизанный магией, которая знакома преданным читателям Сюзанны Кларк, «Пиранези» понравится любителям «Джонатана Стренджа» и завоюет ей много новых поклонников.

Bookpage

Читатели, которые вместе с Пиранези будут следить, как он учится понимать себя, увидят, что в наш мир вернулась магия. Странная, пугающая и прекрасная.

Kirkus Reviews

Кларк прячет детективный сюжет в метафорической литературной сказке... Безусловно, самая неординарная книга года.

Publishers Weekly

По мере того как множатся вопросы и нарастает напряжение в этой завораживающей мистической притче, невольно думаешь, что доброта и благодарность героя Кларк и есть единственная настоящая мудрость.

Booklist

Кларк создает мир, в существование которого читатели почти готовы поверить.

Library Journal

Магия Сюзанны Кларк универсальна.
Salon

Подобно всеобщим любимцам «Джонатану Стренджу и мистеру Норреллу», «Пиранези» также творит магию, но совершенно другого сорта. Он напоминает нам о способности литературы переносить нас в иной мир и расширять понимание мира этого.
Guardian

Восхитительная загадка – и на стольких уровнях сразу! Фантастическое, ни на что не похожее и совершенно необходимое чтение.
The Bookseller

Эмпатия открывает новые горизонты в этой поразительной и бесконечно трогательной книге про оккультистов, утраченные эпохи и силу веры.
Foreword Reviews

«Пиранези» – это событие первостепенной важности в мире литературы.
Daily Telegraph

Поистине волшебный дом с коридорами-

лабиринтами и приливами, что захлестывают лестницы.
The Times

По изобретательности и красоте «Пиранези» – достойный наследник «Стренджа с Норреллом». Это книга, к которой вы будете возвращаться снова и снова – отворяя двери, размышляя о статуях, прислушиваясь к приливам.

Observer

Бесконечно хитроумная книга, среди страниц которой можно благоговейно затеряться.

Washington Post

О романе «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл»

Безусловно лучшая литературная сказка на английском языке за последние семьдесят лет. Смешная, трогательная, страшная, потусторонняя, практическая и магическая, путешествие сквозь тень и свет. Упоительное чтение, изящный и точный стиль: госпожа Кларк выстраивает слова так же хитроумно и грозно, как герцог Веллингтон выстраивал свои полки, а финальная часть истории таит множество неожиданных поворотов, словно лабиринт старых лондонских улочек или темный английский лес. Закрывая «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла» на восьмисотой

странице, я жалел лишь, что книга не оказалась вдвое длиннее... Чистое наслаждение от первой до последней строки.

Нил Гейман

Роман захватил меня и увлек так, что я не мог его отложить, пока не прочел до конца. Тон рассказчика выбран превосходно. Он полон иронии, преподносимой с серьезной миной, а его сдержанность позволяет читателю самому составить мнение о персонажах. Меня восхищала вымышленная ученость, завораживала смесь исторического реализма и чудесных событий. Я почти верил, что и впрямь существовала традиция «английской магии», о которой мне не доводилось слышать. Автор убедительнейше воспроизводит время и его литературные условности. И часть удовольствия от книги – наблюдать, как легко магия вписалась в роман XIX века. Настоящий шедевр. Не могу припомнить ничего хоть сколько-нибудь похожего.

Чарльз Паллисер

До ужаса правдоподобная параллельная история Британии, в которой волшебники играют не меньшую роль, чем известные нам исторические лица.

Мишель Фейбер

Книга для ума, книга для души, повод для разговоров и легкое чтение в дорогу – все это соединилось для меня в «Джонатане Стрендже и мистере Норрелле»... Я буквально не мог оторваться от

этого романа.

Джулиан Феллоуз

Истощенная расточительным постмодернистским эпилогом литература, впав в детство, вернулась к своему истоку и стала тем, чем в сущности всегда была – рассказом о чудесах. За что мы ее готовы простить и снова полюбить. Со мной такое произошло, когда я прочел 800-страничный фолиант 50-летней дебютантки из Кембриджа Сюзанны Кларк под обманчиво скучным названием «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл». Восторженные критики уже успели назвать ее «„Гарри Поттером“ для взрослых», но, по моему, это сомнительный комплимент для автора, открывшего новый способ обращаться с чудесами.

Так мог бы выглядеть роман «Мастер и Маргарита», если бы его написал Диккенс.

Дело в том, что книга Кларк – грандиозный анахронизм: она написана так, будто мы еще живем в Викторианскую эпоху. Презрев «страх влияния», автор перебралась в XIX век, чтобы медленно и верно выткать подробный гобелен давно умершей эпохи.

Англия Сюзанны Кларк – страна великих магических традиций. Деяния средневековых волшебников, выходцев из смежного, но невидимого мира, – непреложный факт, документированная часть британской истории. Однако, вступив на путь прогресса, Англия утратила древнее магическое искусство, которое и взялся возродить тщеславный

мизантроп мистер Норрелл со своим добродушным учеником Джонатаном Стренджем.

Тут-то и начинается самое интересное. Чудеса в книге изображены с той же неторопливой дотошностью, что и все остальное. Ирония уже давно научила сказку встречаться с прозой жизни, как это бывало у Гофмана, Андерсена и Шварца. Но кажется, впервые магия, реанимировав старомодный жанр, сошла на страницы толстого реалистического романа. Отказав сверхъестественному в специальном статусе, Кларк вплетает волшебство в ткань подлинной истории с ее реальными героями, вроде Веллингтона или Байрона.

Александр Генис (Иностранная литература)

Сюзанне Кларк удалось неподдельное чудо: ее «викторианская фэнтези» – всамделишная литература, без кавычек и оговорок; не постмодернистская игра, не изящный жанровый эксперимент – живая, сильная книга. Содержащая вдобавок ноу-хау. Да, были уже Толкин и последователи, Урсула Ле Гуин, в конце концов – Нил Гейман (назвавший, между прочим, «Стренджа...» «лучшей литературной сказкой на английском языке за последние семьдесят лет»), но только Кларк столь естественно удаётся вплести свою волшебную нить, сваянную из кошачьих шагов и голосов рыб, в масштабный и дотошный гобелен исторической реальности эпохи Регентства и литературного канона Диккенса и Джейн Остен. Ну подумаешь, магия. Чем не занятие для джентльмена.

В сущности, рутина: кто-то воюет с Бонапартием, кто-то торгует в заморских колониях, кто-то колдует и общается с эльфами. Бывает.

Александр Гаррос (Эксперт Online)

Удивительная неспешность повествования, заставляющая вас позабыть о том, что на свете уже существуют метро, интернет и авиастроение. Абсурдное внимание к деталям (ко всем деталям: историческое и фантастическое Кларк живописует с одинаковой дотошностью). Ну и главное – язык, конечно. О событиях начала XIX века автор имеет наглость рассказывать языком начала XIX века – языком Диккенса, языком Вальтера Скотта. Впрочем, наглость эта прощительна: Сюзанна Кларк – прирожденный стилист; она пишет – ты веришь. Вероятно, именно это ощущение подлинности, которое, точно пряный запах старинного фолианта, насквозь пропитывает книгу, и превращает «Джонатана Стренджа...» в блестящий сеанс магии – причем без последующего разоблачения. Невозмутимая леди Кларк внушает читателю даже не то, что волшебство существует, но то, что оно так же банально и естественно, как, скажем, насморк, который читатель наверняка схватит, если промочит ноги.

Анна Старобинец (Гудок)

Девятисотстраничный фолиант Сюзанны Кларк способен понравиться самым разным читателям. В-первых, это исторический роман, в котором дотошно воссозданы не только реалии эпохи, но и ее

язык, ее стиль, – история современной литературы знает только один подобный подвиг: «Имя Розы» Умберто Эко. Радует то, что языковые прелести книги доступны и россиянам: книга великолепно переведена, что заставляет вспомнить и сдержанную прозу Пушкина, и достоверные гоголевские гротески. Во-вторых, Кларк должна прийти по нраву каждому поклоннику фэнтези. «Стрендж и Норрелл» – дальние родственники «Волшебника Земноморья»: автор использует магию не только как прием авантюрного романа, но описывает очертания границ, за которые не следует заглядывать человеку, и причины, по которым их порой все же стоит пересекать. В-третьих, «Стрендж и Норрелл» – подарок для англомана: за тем, что покажется иным читателям занудством и бесчувственностью, поклонники Вальтера Скотта и Кольриджа увидят английскую сдержанность, способ передавать через недосказанность массу косвенной информации. Кларк обставила свою выдумку с беспримерным вкусом и вниманием: обилие ссылок на несуществующие труды по магии, исторических ироничных анекдотов, вставных новелл и красочных описаний иных миров заставляет читателя поверить, что перед ним не просто огромный роман, но достоверный исторический рассказ о возрождении магии.

Иван Якишин (Книжная витрина)

Что же такое «Джонатан Стрендж и мистер

Норрелл»? Самым коротким ответом будет: Джейн Остен в Стране чудес. Викторианская Англия, Наполеоновские войны, зеленые лужайки, экипажи, кукольные домики, мыльные столбы и вересковые пустоши. Это не только место действия, это время написания. Представьте себе роман Чарльза Диккенса или Джейн Остен, где чопорные политики становятся жертвами зловредных эльфов, а на приеме у тетушек, жаждущих пристроить своих племянниц замуж, появляется пара волшебников, только что отчитавшихся в Министерстве внутренних дел об исполнении поручения о предотвращении разлива рек в графстве Суффолк.

Стилизация выполнена настолько идеально, что даже вызывает оторопь. Это что, всерьез? Ну кому сейчас придет в голову писать, а уж тем более издавать викторианский роман? Его многословие, пространные описания чувств и пейзажей, неторопливая размеренность были хороши во времена, когда скорость передвижения не превышала 15 километров в час, а новости недельной давности считались последними известиями. Но в наше время читать эти 890 страниц, где динамичность повествования разворачивается со скоростью перемещения дамы в кринолине? Как выясняется, и в карете прошлого можно уехать далеко, если она находится в рабочем состоянии.

Приключения мистера Норрелла, задумавшего воскресить в Англии утраченное искусство магии, и его

ученика Джонатана Стренджа, однажды покинувшего учителя, прибирают тебя к рукам постепенно и исподволь, и вскоре ты, успокоившись, перестаешь досадовать на неспешность езды и начинаешь получать удовольствие от забытых, а то и никогда не испытанных ощущений альтернативного способа перемещения в альтернативном мире.

Вадим Нестеров (Gazeta.Ru)

Эта Кларк оказалась такой изобретательной и остроумной рассказчицей, что нет ни одной причины, по которой взрослый человек может позволить себе проигнорировать этот роман про волшебников; и вам вовсе не нужно быть литературным критиком, предсказуемо реагирующим на подмигивания в сторону Джейн Остен и Мэри Шелли, чтобы понимать, ознакомившись с первой же сотней страниц, что в ваших руках – классическое произведение, которое будут читать в вашей семье еще в нескольких поколениях. «Гарри Поттер» для взрослых? Дж. Роулинг со своей метлой «Нимбус-2000» может наниматься к Кларк в дворники.

Лев Данилкин (Афиша)

Изумительно... Роман, в котором темная мифология на фоне восхитительной комедии нравов в духе Джейн Остен рождает шедевр толкиновских масштабов... Уникальность «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла» – в отношении к магии. Магия у Кларк печальна и зловеща; она соткана из дождя, снега

и зеркал и описана с абсолютным реализмом... У Кларк есть и другое редкое достоинство: она умеет живописать зло... через темные, спутанные корни жанра она углубляется в Средневековые и страшную, фрейдистскую составляющую сказок. «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» объясняет живучесть литературного вымысла: он говорит на языке наших снов. И наших кошмаров.

Time

Кларк мастерски вместила в свои восемьсот страниц мир Джейн Остен, готический роман, светскую новеллу, военно-исторические приключения в духе «Стрелка Шарпа» и «Хозяина морей», романтический байронизм и вальтер-скоттовскую страсть к героическому прошлому Севера. Есть книги, которые читаешь, книги, которые изучаешь, и книги, в которых живешь. «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» – из тех книг, в которых живешь.

The Washington Post

О сборнике «Дамы из Грейс-Адьё и другие истории»

Такое ощущение, будто Джейн Остен взяла и переписала сказки братьев Гримм. Волшебство во всех

смыслах!

Spectator

Мир волшебных английских сказок окружает нас с детства. Но только со временем мы начинаем обнаруживать, насколько он огромен. Вначале это «Робин-Бобин-Барабек», потом – истории о Робин Гуде и короле Артуре, дальше – «Хоббит» и «Нарния», еще дальше – «Властелин Колец», «Земноморье»... Пределы страны Фантазии раздвигаются до бесконечности. Роман Сюзанны Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» собрал в себе такое количество традиций истинно английского волшебства, совместив их с традициями собственно литературными, что этого могло бы хватить на создание целого мира. Да, строго говоря, Кларк и создала не роман, но мир.

Сборник «Дамы из Грейс-Адъё» примыкает к «Стренджу и Норреллу» не сюжетно, а скорее духовно. Кларк показывает общность своего творчества с самой Британией, с народами малыми и великими, ее населяющими, с ее деревьями, камнями, реками, с духами прошлого, таящимися в каждой расщелине. Они – соседи, живущие рядом. Они – плоть от плоти и кость от кости тех, кто живет в мирах реальном и вымышленном. И граница миров тонка.

Книжное обозрение

Эти восемь рассказов напоминают «Стренджа и Норрелла» тем, что волшебные создания меняют

историю, сквозь XIX век просвечивает современность,
и сами страницы книги буквально источают очарование.
Bookmarks Magazine

Сюзанна Кларк Пиранези

Колину^[*]

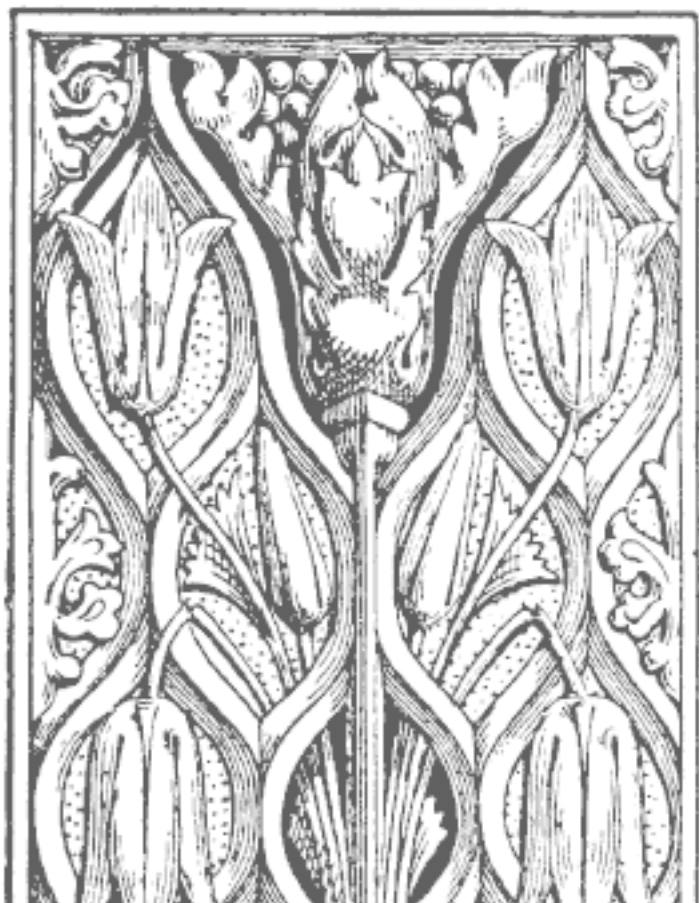
Я великий ученый, чародей, я посвящен в тайные знания, я ставлю опыт. Конечно, мне нужны подопытные.

К. С. Льюис. Племянник чародея (Перевод Н. Трауберг)

Меня называют философом, ученым, антропологом, но все это неверно. Я – анамнезиолог^[]. Я изучаю забытое. Я прозреваю безвозвратно утраченное. Я работаю с отсутствием, с тишиной, с таинственными зорами между предметами. То, чем я занимаюсь, ближе всего к магии.*

Лоренс Арн-Сейлс. Интервью. «Таинственный сад»^[*], май 1976

Часть первая
Пиранези

Когда в Третьем северном Зале взошла Луна, я отправился в Девятый Вестибюль

Запись от Первого дня Пятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Когда в Третьем северном Зале взошла Луна, я отправился в Девятый Вестибюль наблюдать слияние трех Приливов. Оно бывает лишь раз в восемь лет.

Девятый Вестибюль примечателен тремя огромными Лестницами. Вдоль его Стен, ярус над ярусом, уходят в вы-

шину сотни сотен мраморных Статуй.

Я лез по западной Стене, пока не добрался до Статуи Женщины, несущей Улей, в пятнадцати метрах от Пола. Женщина выше меня раза в два-три, а Улей усеян мраморными Пчелами размером с мой палец. Одна Пчела – от нее мне всегда немного не по себе – ползет по левому глазу Женщины. Я втиснулся в Нишу к Женщине и стал ждать. И вот в Нижних Залах послышался рев Приливов, а Стены содрогнулись от их натиска.

Первым начался Прилив Дальних Восточных Залов. Вода прибывала по Восточной Лестнице, безбурная и неопределенного цвета. Она разлилась по Плитам серым зеркалом в разводах мутной Пены, не глубже чем по щиколотку.

Затем хлынул Прилив Западных Залов. Он с ревом накатил по Западной Лестнице и ударил в Стену так, что все Статуи содрогнулись. Пена его была цвета старых рыбьих костей, а бурлящие глубины – свинцовыми. Через несколько секунд Вода уже стояла по пояс первому ярусу Статуй.

И наконец загрохотал Прилив Северных Залов. Он ворвался по Средней Лестнице и захлестнул Вестибюль взрывом блистающей льдисто-белой Пены. Я промок и ослеп. Когда зрение вернулось, Вода сбегала со Статуй. Тогда-то я и понял, что ошибся, рассчитывая высоту Второго и Третьего Приливов. Исполинский Вал вздыбился, словно огромная Рука Воды, грозя оторвать меня от Стены. Я обхватил Ноги Женщины, несущей Улей, и взмолился к Дому о защите.

Воды накрыли меня, и на мгновение наступила странная тишина, какая бывает, когда Море прокатывает над тобой, заглушая собственные звуки. Я думал, что умру или что меня унесет в Неведомые Залы, далеко от рокота и плеска Знакомых Приливов. Я цеплялся за Статую изо всех сил.

Затем, так же внезапно, как началось, все закончилось. Объединенные Приливы выплеснулись в соседние Залы, с грохотом ударяя о Стены. В Девятом Вестибюле Вода быстро убывала, и над ней показались Пьедесталы нижнего яруса Статуй.

Я понял, что сжимаю в кулаке какой-то предмет, и, раскрыв ладонь, увидел мраморный Палец некой Далекой Статуи, занесенный сюда Приливом.

Красота Дома несказанна; Доброта его беспредельна.

Описание Мира

Запись от Седьмого дня Пятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Я намерен исследовать Мир, сколько успею до конца жизни. Для этого я путешествовал до Девятьсот шестидесятого Зала к западу, до Восемьсот девяностого к северу и до Семьсот шестьдесят восьмого к югу. Я поднимался к Верхним Залам, где Облака проплывают медленной чередой и в Туманах внезапно проступают Статуи. Я исследовал Затопленные Залы, где Темная Вода затянута белыми кувшинками. Я по-

бывал в Разрушенных Залах на востоке, где Полы, Потолки – порой даже Стены – обвалились и мглу пронзают столбы серого Света.

В каждом из этих мест я подходил к Дверному Проему и смотрел дальше. Нигде я не видел каких-либо признаков, что Мир скоро кончится, только чинную анфиладу уходящих вдаль Залов и Коридоров.

Нет Залов, Вестибюлей, Лестниц и Коридоров без Статуй. По большей части они стоят сплошь, хотя там и сям видишь Пустой Пьедестал, Нишу, Апсиду или даже свободное место на Стене, уставленной Статуями. Эти Зияния по-своему так же загадочны, как и сами Статуи.

Я заметил, что, хотя в конкретном Зале все Статуи примерно одинакового размера, между Залами в этом есть значительные различия. В некоторых фигуры высотой два-три человеческих роста, в других они примерно натуральной величины, в третьих доходят мне только до плеча. В Затопленных Залах Статуи исполинские – от пятнадцати до двадцати метров, – но они исключение.

Я начал составлять Каталог, куда намерен внести Положение, Размер и Сюжет каждой Статуи, а также их примечательные особенности. На сегодня я описал Первый и Второй юго-западные Залы и приступил к Третьему. От огромности задачи у меня порой кружится голова, но, как исследователь и ученый, я обязан свидетельствовать о Великолепии Мира.

Окна Дома выходят во Внутренние Дворы – пустые и вы-

могучие камнем. Дворы по большей части четырехугольные, хотя попадаются с шестью, восемью и даже с тремя углами – эти последние довольно странные и унылые.

За пределами Дома есть лишь Небесные Тела: Солнце, Луна и Звезды.

Дом состоит из трех Уровней. Нижние Залы – Сфера Приливов, Окна их – когда смотришь через Двор – серо-зеленые от мутящихся Вод и белые от клочьев Пены. Нижние Залы дают пищу: рыб, моллюсков и морские растения.

Верхние Залы, как я уже говорил, – Сфера Облаков; Окна у них светло-серые и туманные. Иногда целый ряд Окон внезапно озаряется вспышкой молнии. Верхние Залы дают Пресную Воду; она Дождем изливается в Вестибюли и стекает Ручьями по Стенам и Лестницам.

Между этими двумя (по большей части непригодными для жизни) Уровнями расположены Средние Залы, Сфера птиц и людей. Прекрасная Упорядоченность Дома – источник нашей Жизни.

Сегодня утром я глянул в Окно Восемнадцатого юго-восточного Зала. На дальней стороне Двора я увидел Другого, смотрящего в Окно. Благородное лицо Другого с его высоким лбом и аккуратно подстриженной бородкой обрамлял Переплет в углу темного высокого Окна. Другой был, по обыкновению, погружен в задумчивость. Я помахал ему. Он меня не заметил. Я замахал сильнее, запрыгал с большой живостью. Однако в Доме великое множество Окон, и Дру-

гой меня не увидел.

Список всех когда-либо живших людей и то, что о них известно

*Запись от Десятого дня Пятого месяца в Год, когда в
Юго-западные Залы прилетел Альбатрос*

С начала Мира в нем точно существовали пятнадцать человек. Возможно, их было больше, но я ученый и должен следовать фактам. Из пятнадцати человек, чье существование доказуемо, сейчас живы только я и Другой.

Дальше я перечислю эти пятнадцать Лиц, указывая по мере необходимости их местоположение.

Первое Лицо: Я

Полагаю, что мне лет тридцать – тридцать пять. Мой рост примерно 1 метр 83 сантиметра, телосложение худощавое.

Второе Лицо: Другой

По моим оценкам, возраст Другого от пятидесяти до шестидесяти лет. Его рост примерно 1 метр 88 сантиметров, телосложение, как и у меня, худощавое. Для своих лет он силен и подтянут. Кожа у него смугловатая, короткие волосы и усы – темно-каштановые. Бородка, седеющая, почти белая, аккуратно подстрижена и заострена. Скулы аристократические, лоб – высокий, благородный. В целом он производит впечатление дружелюбного, но несколько сурового человека, посвятившего себя умственной деятельности.

Он ученый, как и я, и единственное, кроме меня, живое человеческое существо, так что я, естественно, высоко ценю его дружбу.

Другой убежден, что где-то в Море сокрыто Великое Тайное Знание, которое, когда мы его найдем, даст нам огромную силу. В чем это Знание заключается, он точно не знает, но в разное время намекал мне, что, обретя его, мы сможем:

1. победить Смерть и стать вечными
2. научиться читать чужие мысли
3. преображаться в Орлов и летать по Воздуху
4. преображаться в Рыб и плавать в Приливах
5. двигать предметы одной лишь силой мысли

6. гасить и вновь зажигать Солнце и Звезды

7. подчинять низшие разумы нашей воле

Мы с Другим прилежно ищем это Знание. Мы встречаемся дважды в неделю (по вторникам и пятницам) и обсуждаем нашу работу. Другой тщательно составляет свое расписание и следит, чтобы наши встречи длились не больше часа.

Если я нужен ему в иное время, он кричит: «Пиранези!», пока я не приду.

Пиранези. Так он меня зовет.

Что странно: ведь, насколько я помню, это не мое имя.

Третье Лицо: Человек с Коробкой из-под Печенья

Человек с Коробкой из-под Печенья – это скелет, обитающий в Пустой Нише Третьего северо-западного Зала. Кости уложены определенным образом: длинные распределены по размеру и увязаны – каждая кучка отдельно – сплетенной из водорослей веревкой. Справа находится череп, а слева – коробка из-под печенья, куда сложены мелкие кости: фаланги пальцев, косточки плюсны, позвонки и так далее. Коробка из-под печенья красная. На ней нарисовано печенье и написано: «Хантли Палмерс» и «Семейный круг»^[*].

Когда я впервые обнаружил Человека с Коробкой из-под Печенья, он выглядел довольно неаккуратно, потому что водорослевая веревка пересохла и рассыпалась. Я сделал новый шнурок из рыбьей кожи и связал кости, как было. Те-

перь он снова в надлежащем состоянии.

Четвертое Лицо: Завалившийся Человек

Как-то, три года назад, я поднялся по Лестнице в Тринадцатый Вестибюль. Увидев, что Облака ушли из Области Верхних Залов и те залиты Солнечным Светом, а Воздух в них чист и прозрачен, я решил продолжить исследования. В Зале, расположенном непосредственно над Восемнадцатым северо-восточным, я нашел скелет, частично завалившийся в щель между Пьедесталом и Стеной. По теперешнему расположению костей я могу заключить, что изначально он сидел, подтянув колени к подбородку. Мужчина это или женщина, мне определить не удалось. Если бы я вытащил кости для осмотра, то не сумел бы убрать их на прежнее место.

Лица с Пятого по Четырнадцатое: Обитатели Ниши

Все Обитатели Ниши представляют собой скелеты. Их кости уложены рядышком на Девятом пьедестале в самой северной Нише Четырнадцатого юго-западного Зала.

Я предположительно определил три скелета как женские и три – как мужские; пол четырех мне выяснить не удалось. Одного из них я назвал Человеком с Рыбьей Кожей. Скелет его не полон, и кости сильно окатаны Приливами, так что от некоторых остались только маленькие кругляшки. На концах лучше сохранившихся костей просверлены дырочки, и в них продеты обрывки рыбьей кожи. Из этого я сделал несколько

ВЫВОДОВ:

1. Скелет Человека с Рыбьей Кожей старше других.
2. Скелет Человека с Рыбьей Кожей был некогда скреплен ремешками из рыбьей кожи, но со временем они порвались.
3. Люди, жившие после Человека с Рыбьей Кожей (предположительно, Обитатели Ниши), настолько чтили человеческую жизнь, что тщательно собрали его кости и положили рядом со своими мертвецами.

Вопрос: когда я почувствую приближение Смерти, должен ли я пойти и лечь с Обитателями Ниши? По моим оценкам, там есть место еще для четырех взрослых. Я молод, и (надеюсь) день моей Смерти далеко, но все же об этом думаю.

Рядом с Обитателями Ниши лежит еще один скелет (хотя он не входит в число когда-либо живших людей). Это останки существа длиной примерно 50 сантиметров с хвостом примерно такой же длины. Я сравнил кости с различными Существами, которых изображают Статуи, и думаю, что они принадлежали обезьяне. Мне не случилось видеть в Доме живых обезьян.

Пятнадцатое Лицо: Скорченное Дитя

Скорченное Дитя – это скелет, как я полагаю, женского пола, лет примерно семи. Она сидит на Пустом Пьедестале в Шестом юго-восточном Зале. Колени у нее подтянуты к подбородку, Руки обнимают Колени, Голова наклонена. На

шее – ожерелье из коралловых бусин и рыбьих костей.

Я много размышлял о том, как это дитя связано со мной. Живых в Мире (как я уже объяснял) только двое: я и Другой; мы оба мужского пола. Когда мы умрем, откуда в Мире возьмутся Обитатели? Я убежден, что Мир (или, если угодно, Дом, поскольку в практическом смысле это одно и то же) желает для себя Обитателей, дабы те созерцали его Красоту и пользовались его Благodeяниями. Я догадываюсь, что Дом предназначил Скорченное Дитя мне в Жены, но что-то помешало замыслу осуществиться. С тех пор как у меня возникло это предположение, я считаю правильным делиться с ней всем, что у меня есть.

Я навещаю Мертвых, но особенно Скорченное Дитя. Я приношу им еду, воду и кувшинки, которые растут в Затопленных Залах. Я говорю с Мертвыми, рассказываю, чем занимался, и описываю увиденные в Доме Чудеса. Так они понимают, что не одиноки.

Только я так делаю. Другой так не делает. Насколько мне известно, он не совершает религиозных обрядов.

Шестнадцатое Лицо

И ты. Кто ты? Для кого я пишу? Путник ли ты, который одолел Приливы, превозмог Обваленные Полы и Рухнувшие Лестницы? Или же ты обитаешь в моих Залах после моей Смерти?

Мои Дневники

*Запись от Семнадцатого дня Пятого месяца в Год, когда
в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос*

Свои наблюдения я записываю в тетради и делаю это по двум причинам. Во-первых, Письмо воспитывает навык тщательности и аккуратности. Во-вторых, я хочу сохранить мои знания для тебя, Шестнадцатый. Тетради я складываю в коричневую кожаную сумку через плечо; она обычно хранится за Статуей Ангела, застрявшего в Розовом Кусте, что в северо-восточном углу Второго северного Зала. Там же я держу часы, которые бывают нужны по вторникам и пятницам, когда я встречаюсь с Другим в 10 утра. (В остальные дни я хожу без часов из страха, что Соленая Вода попадет внутрь и механизм испортится.)

В одной тетради я составляю Таблицу Приливов. Там я записываю Время и Высоту Приливов и Отливов, а также рассчитываю будущие Приливы. Еще одна тетрадь – мой Каталог Статуй. В прочих я веду Дневник, куда заносу мои мысли, воспоминания и отчет о прошедших днях. На сегодня мой Дневник занимает девять тетрадей, эта – десятая. Все они пронумерованы и по большей части подписаны датами начала и окончания.

№ 1 датирована: «Декабрь 2011 – июнь 2012».

№ 2 датирована: «Июнь 2012 – ноябрь 2012».

№ 3 была изначально датирована: «Ноябрь 2012», однако эти слова вычеркнуты и сверху написано: «Тринадцатый день Двенадцатого месяца в Год Плача и Рыданий – Четвертый день Седьмого месяца в Год, когда я нашел Коралловые Залы».

И в № 2, и в № 3 зияют пустоты на месте вырванных страниц. Я много размышлял, кто это мог сделать и зачем, но пока ни до чего не додумался.

№ 4 датирована: «Десятый день Седьмого месяца в Год, когда я нашел Коралловые Залы – Девятый день Четвертого месяца в Год, когда я дал имена Созвездиям».

№ 5 датирована: «Пятнадцатый день Четвертого месяца в Год, когда я дал имена Созвездиям – Тринадцатый день Девятого месяца в Год, когда я сосчитал Мертвых и дал им имена».

№ 6 датирована: «Первый день Десятого месяца в Год, когда я сосчитал Мертвых и дал им имена – Четырнадцатый день Второго месяца в Год, когда рухнули Потолки Двадцатого и Двадцать первого северо-восточных Залов».

№ 7 датирована: «Семнадцатый день Второго месяца в Год, когда рухнули Потолки Двадцатого и Двадцать первого северо-восточных Залов – последний день того же года».

№ 8 датирована: «Первый день Года, когда я дошел до Девятьсот шестидесятого западного Зала – Пятнадцатый день Десятого месяца того же года».

№ 9 датирована: «Шестнадцатый день Десятого месяца в Год, когда я дошел до Девятьсот шестидесятого западного Зала – Четвертый день Пятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос».

Этот Дневник (№ 10) начат в Пятый день Пятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос.

Когда ведешь Дневники, трудно вновь отыскать важную запись, поэтому я веду отдельную тетрадь, в которой составляю указатель к остальным. Я отвел определенное количество страниц под каждую букву (больше для самых частых, вроде О и П, меньше для тех, что встречаются реже, например Ц и Ю). Под каждой буквой я записываю темы и отмечаю, где в Дневниках они упомянуты.

Перечитывая написанное, я кое-что осознал. Я использовал две системы нумерации лет. Почему я не заметил этого раньше?

Я допустил оплошность. Система нумерации должна быть одна. Две привносят сомнения, неопределенность и путаницу. (И неприятны эстетически.)

В соответствии с первой системой я обозначил два года как 2011 и 2012. Мне это кажется до крайности прозаичным. Кроме того, я не помню, что важного произошло две тысячи лет назад и почему я решил вести отсчет с того года. По второй системе я давал годам такие названия, как «Год, когда я дал имена Созвездиям» или «Год, когда я сосчитал Мертвых и дал им имена». Это мне нравится гораздо больше. Так у каждого года есть свое лицо. Этой системы мне следует держаться впредь.

Статуи

Запись от Восемнадцатого дня Пятого месяца в Год, ко-

гда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Некоторые Статуи я люблю больше остальных. Одна из

них – Женщина, несущая Улей.

Другая – возможно, самая любимая – стоит у Двери из Четвертого в Пятый северо-западный Зал. Это Статуя Фавна, полукозла-получеловека с курчавой Головой. Он чуть заметно улыбается и прижимает палец к губам. Мне всегда кажется, что он хочет мне что-то сказать или от чего-то предостеречь. «Тсс! – как будто говорит он. – Осторожнее!» Но какая здесь может быть опасность, я так и не узнал. Однажды Фавн мне приснился: он стоял в заснеженном лесу и разговаривал с ребенком женского пола. [*]

Статуя Гориллы в Пятом северном Зале всегда останавливает мой взгляд. Горилла сидит на корточках, подавшись вперед и опираясь на могучие Кулаки. Лицо этого Животного всегда меня завораживало. Его Мощный Лоб нависает над Глазами и у человека выглядел бы грозно нахмуренным, но мне представляется, что у Гориллы это означает нечто прямо противоположное. Это символизирует многое, в том числе Мир, Спокойствие, Силу и Терпение.

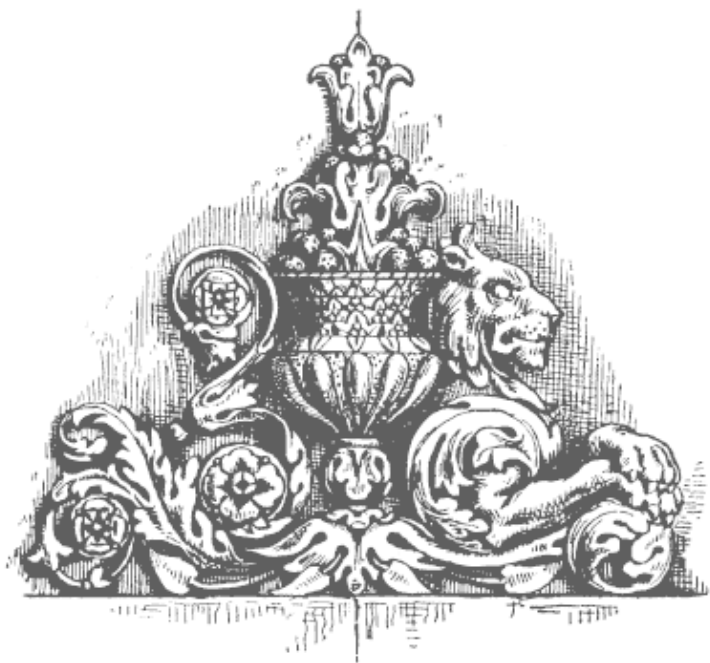
У меня есть и другие любимые Статуи – Мальчик, бьющий в Кимвалы, Слон, несущий Башню, Два Царя, играющие в Шахматы. Последней упомяну Статую, которую особенно люблю. Правильнее сказать, эта Статуя, вернее – пара Статуй приковывают мой взгляд всякий раз, как мне случается их увидеть. Роста они примерно шестиметрового, обрамляют восточную Дверь Первого западного Зала и обладают двумя примечательными особенностями: во-первых,

они много больше других Статуй в Первом западном Зале, а во-вторых, не завершены. Их Торсы выступают из Стены по пояс, Руки, заведенные назад, отталкиваются от нее, Мышцы вздулись от натуги, Лица искажены. Смотреть на них тягостно. Они как будто мучительно рвутся на свет; усилия могут оказаться тщетными, но оба не сдаются. Их Головы украшены великолепными Рогами, поэтому я назвал их Рогатыми Великанами. Они представляют Упорство и Борьбу с Жестокой Участью.

Неуважительно ли по отношению к Дому любить одни Статуи больше других? Иногда я задаю себе этот вопрос. Я убежден, что сам Дом одинаково любит и благословляет все им созданное. Должен ли я стараться быть таким же? И все же я понимаю, что в природе человека предпочитать одно другому, находить что-то более значительным, чем остальное.

Существуют ли деревья?

Запись от Девятнадцатого дня Пятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Есть много неизвестного. Однажды – месяцев шесть или семь назад – я увидел, как медленный Прилив под Четвертым западным Залом несет что-то маленькое и желтое. Не зная, что это, я ступил в Воду и поймал его. Это оказался лист, очень красивый, скрученный по краям. Разумеется, он мог быть частью невиданного водяного растения, но мне в такое не верится. Его поверхность отталкивает Воду, как

будто предназначена для жизни в Воздухе.

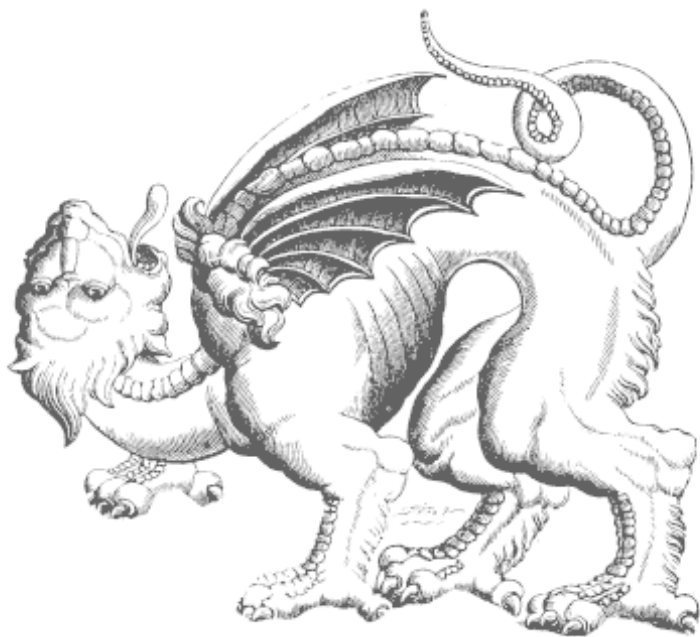
Часть вторая

Другой

Шарф-бери

*Запись от Двадцать девятого дня Пятого месяца в Год,
когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос*

Сегодня утром в десять часов я пошел во Второй юго-западный Зал на встречу с Другим. Когда я вошел в Зал,

Другой был уже там, стоял, прислонившись к Пустому Пьедесталу, и тюкал пальцем по одному из своих блестящих устройств. Он был в прекрасно скроенном черном костюме и белоснежной рубашке, красиво оттенявшей его смугловатую кожу.

Не поднимая глаз от устройства, он сказал:

– Мне нужны данные.

С ним такое бывает часто: он настолько сосредоточен на своем деле, что забывает поздороваться и спросить, как я поживаю. Я не обижаюсь. Меня восхищает его преданность науке.

– Какие данные? – спросил я. – Могу ли я тебе помочь?

– Конечно. Собственно, без тебя мне не обойтись. Тема моего сегодняшнего исследования, – тут он поднял взгляд от своего занятия и улыбнулся, – ты.

Улыбка у него очень приятная, когда он не забывает пускать ее в ход.

– Правда? – спросил я. – Что ты хочешь выяснить? У тебя есть гипотеза касательно меня?

– Есть.

– Какая?

– Не могу тебе сказать. Это может повлиять на данные.

– О! Да. Верно. Виноват.

– Все в порядке. Нет ничего естественней любопытства. – Он положил свое блестящее устройство на Пустой Пьедестал и сказал: – Сядь.

Я сел на Плиты, скрестил ноги и стал ждать вопросов.

– Удобно? Отлично. Теперь скажи мне. Что ты помнишь?

– Что я помню? – в растерянности переспросил я.

– Да.

– Вопрос чересчур общий, – сказал я.

– И все же попробуй на него ответить.

– Что ж. Полагаю, ответ: все. Я помню все.

– Довольно смелое утверждение. Ты уверен?

– Уверен.

– Приведи примеры того, что ты помнишь.

– Допустим, – сказал я, – ты назовешь какой-нибудь Зал во многих днях пути отсюда. Если я там бывал, то сразу отвечу, как туда добраться. Перечислю все Залы, через которые предстоит идти. Опишу примечательные Статуи по его Стенам и сумею довольно точно указать их местоположение: у какой Стены они стоят, северной, южной, восточной или западной, и на каком от нее расстоянии. Смогу также назвать...

– А как насчет Шарф-бери? – спросил Другой.

– Мм... Что?

– Шарф-бери. Ты помнишь Шарф-бери?

– Нет... я... Шарф-бери?

– Да.

– Не понимаю.

Я ждал объяснений, но Другой только молча за мной наблюдал. Я видел, что вопрос чрезвычайно важен для его ис-

следования, однако понятия не имел, какого ответа он от меня ждет.

– Шарф-бери не слово, – сказал я наконец. – Оно ничего не значит. Ничто в Море не соответствует такому сочетанию звуков.

Другой по-прежнему молчал и все так же пристально смотрел на меня. Я беспокойно заглянул ему в лицо.

Вдруг меня осенило, я воскликнул:

– О! Я понял, что ты делаешь! – и засмеялся.

– И что же я делаю? – с улыбкой спросил Другой.

– Тебе надо проверить, правду ли я говорю. Я только что сказал, что могу описать путь в любой Зал, до которого когда-либо доходил. Однако ты не можешь проверить истинность моего утверждения. Например, если бы я описал, как идти до Девяносто шестого северного Зала, ты не мог бы определить, все ли я верно говорю, поскольку сам ты там не бывал. Поэтому ты задал мне вопрос с бессмысленным словом – Шарф-бери. Ты очень умно выбрал слово, похожее на имя какого-то места – такого холодного, что, идя туда, надо брать шарф. Если бы я сказал, что помню Шарф-бери, и описал, как туда идти, ты бы догадался, что я вру. Ты бы знал, что я просто хвастаюсь. Это был проверочный вопрос.

– Именно так, – сказал он. – Именно для того я и спросил. Мы оба рассмеялись.

– У тебя есть еще вопросы? – спросил я.

– Нет. Больше никаких.

Другой повернулся, чтобы внести данные в свое блестящее устройство, но что-то в моем лице привлекло его внимание, и он удивленно на меня уставился.

– В чем дело? – спросил я.

– Что с твоими очками?

– С моими очками?

– Да. Они выглядят как-то... странно.

– В каком смысле?

– Дужки много раз обернуты какими-то полосками, – сказал он. – И концы полосок свисают.

– А! – сказал я. – Да! Дужки постоянно ломались. Сперва левая. Потом правая. Соленый Воздух разъедает пластмассу. Я пробую разные способы их чинить. Левую я обмотал полосками рыбьей кожи с рыбьим клеем, а правую – водорослями. Водоросли держат хуже.

– Да, – согласился он. – Логично.

В Залах под нами в Стену ударил Прилив. Бум. Отхлынул, выплеснулся через Дверь в следующий Зал. Бум. Бум. Бум. Снова отхлынул, снова накатил. Бум. Второй юго-западный Зал гудел, как струны музыкального инструмента.

Другой забеспокоился.

– Вода довольно близко, – заметил он. – Не лучше ли отсюда уйти?

Он в Приливах не разбирается.

– Незачем, – сказал я.

– О'кей, – ответил Другой, но не успокоился. Глаза у него

расширились, дыхание участилось. Он то и дело поглядывал на Двери, словно ожидая, что в них хлынет Вода.

– Не хочется, чтобы меня тут затопило, – сказал он.

Как-то Другой был в Восьмом северном Зале. Сильный Прилив из Северных Залов затопил Десятый Вестибюль, а мгновениями позже не менее сильный Прилив из Восточных Залов хлынул в Двенадцатый Вестибюль. Большое количество Воды вылилось в соседние Залы, включая тот, где находился Другой. Вода сбила его с ног и понесла через Дверные Проемы, ударяя о Стены и Статуи. Он захлебывался и уже думал, что утонет. Наконец Прилив выбросил его на Плиты Третьего западного Зала (в семи Залах от того, в котором подхватил). Здесь я его и нашел. Я принес ему одеяло и суп из моллюсков и водорослей. Как только Другой смог встать, он поднялся и молча ушел, куда – не знаю. (Мне вообще неизвестно, куда он уходит.) Это случилось в Шестой месяц Года, когда я дал имена Созвездиям. С тех пор Другой боится Приливов.

– Никакой опасности нет, – сказал я.

– Ты уверен? – спросил он.

Бум. Бум.

– Да, – ответил я. – Через пять минут Прилив достигнет Шестого Вестибюля и выплеснется вверх по Лестнице. Второй южный Зал – через два Зала к востоку отсюда – будет затоплен на час. Однако Вода будет по щиколотку и до нас не доберется.

Он кивнул, однако тревожиться не перестал и довольно скоро ушел.

Вечером я пошел в Восьмой Вестибюль ловить рыбу. Про разговор с Другим я не думал, а думал про ужин и как прекрасны Статуи в Закатном Свете. Но когда я забрасывал сеть в Воды Нижней Лестницы, у меня перед глазами возник образ. Я видел черную загогулину на сером Небе и проблеск красного; слова плыли на меня – белые слова на черном фоне. Одновременно раздался грохот, а во рту появился металлический привкус. И все эти образы – на самом деле не более чем призрачные обрывки образов – были как-то связаны со странным словом «Шарф-бери». Я пытался удержать их и рассмотреть, однако они растаяли, как сон.

Белый крест

Запись от Тридцатого дня Пятого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Если ты прочтешь мой предыдущий Дневник (тетрадь № 9), то увидишь, что я очень мало писал в последние месяцы прошлого года и в первые полтора нынешнего. (Так иногда бывает по причине, которую я объясню дальше.) За это время случилось событие, которое мне хочется описать. Я сделаю это сейчас.

Это произошло в самый разгар Зимы. Снег напал на Ступеньки Лестниц. На каждой Статуе в Вестибюлях был плащ, покрывало или шапка снега. Каждая Статуя с простертой Рукой (а таких много) держала сосульку, словно обращенный книзу меч, либо сосульки висели по всей длине Руки, точно оперение.

Я знаю, но всегда забываю, насколько сурова Зима. Холода тянутся и тянутся; согреваться очень трудно. Каждый год с приближением Зимы я поздравляю себя, что насушил много водорослей для костра, однако с течением дней, недель и месяцев все больше сомневаюсь, что мне хватит запасов. Я ношу столько одежды, сколько могу на себя натянуть. Каждую пятницу я проверяю запасы и рассчитываю, сколько водорослей можно жечь в день, чтобы хватило до Весны.

В Двенадцатый месяц прошлого года Другой приостановил свои поиски Великого Тайного Знания и отменил наши встречи, поскольку, как он сказал, было слишком холодно стоять и разговаривать. Пальцы у меня немели, почерк ухудшился, и я через какое-то время вообще перестал делать записи.

Примерно в середине Первого месяца налетел Ветер с юга. Он дул несколько дней кряду, и, хотя я изо всех сил старался не жаловаться, для меня это было тяжелым испытанием. Ветер заносил в Залы колючий снег. Дул на меня ночами, когда я спал в Третьем северном Зале. Завывал в Вестибюлях, подхватывая пригоршни снега и обращая их в призраков.

Ветер – это не только мучения. Иногда он задувал в трещинки и мелкие полости Статуй, и те обретали голос. Я впервые слышал, как Статуи пели и свистели, и смеялся от восторга.

Однажды я встал рано и пошел в Сорок третий Вести-

бюль. Залы, через которые я шел, были серыми и сумрачными; в Окнах лишь угадывался Свет – и даже не сам Свет, а его идея.

Я намеревался собрать водорослей и для еды, и для костра. Обычно я жду, пока Весна, Лето и Осень их высушат. Зимой слишком холодно и сыро. Однако мне подумалось, что если развесить водоросли (возможно, в Дверных Проемах), то Ветер их быстро высушит. Трудность была одна: как закрепить водоросли, чтобы не унесло. Я придумал три разных способа, и мне не терпелось их опробовать и найти лучший.

Когда я пересекал Одиннадцатый западный Зал, Ветер толкал меня с Плиты на Плиту, будто шахматную фигуру. (Я делал весьма неординарные ходы!)

Я спустился по Лестнице в Сорок третий Вестибюль и вошел в Нижний Зал, тот, что под Тридцать седьмым юго-западным. Из-за Ветра Приливы стали выше и бурливее обычного, а Отливы – ниже. Был Отлив, и Море отступило так далеко, что Плиты обнажились почти целиком – событие исключительно редкое. Их усеивало то, что оставил по себе Прилив, – водоросли, плескавшие на Ветру, как стяги, галька, морские звезды и ракушки, которые Ветер со стуком гонял по Плитам.

До Рассвета оставались считанные мгновения. Я видел отражение бледно-золотистого Неба в некоторых Окнах по ту сторону Двора. Передо мной в следующем Зале колыхались серые Воды; строгие линии Дверного Проема являли кон-

траст неукротимости Волн.

Я нагнулся и начал собирать мокрые холодные водоросли. Даже такая простая задача оказалась затруднительной из-за Ветра – требовались большие усилия, чтобы меня не сдувало с места. Ветер трепал водоросли, они хлестали по рукам, что было и больно, и холодно.

Через некоторое время я выпрямился, давая отдых спине, и вновь поднял взгляд к Проему в следующий Зал.

Мне предстало видение! В сумрачном Воздухе над серыми Волнами висел лучезарный крест, такой белый, что Стена Статуй позади него казалась темно-серой. Крест был прекрасен, но я не понимал, что это. В следующий миг меня ослепило: это не крест, а что-то белое и огромное, быстро скользящее ко мне по Ветру.

Что это могло быть? Наверняка птица, но, если я различил ее с такого расстояния, она должна была много превосходить размером всех привычных мне птиц. Она неслась прямо на меня. Я раскинул руки подобием ее расправленных крыльев, как будто хотел заключить птицу в объятия. Я закричал, намереваясь сказать: «Милости прошу!» – но Ветер вышиб у меня дыхание, и получилось только: «Прощу!»

Птица скользила над вздымающимися Волнами, ни разу не взмахнув крыльями. С необычайной ловкостью она чуть-чуть повернула и влетела в разделявший нас Проем. Размах ее крыльев был шире самой Двери. Я понял, кто это! Альбатрос!

Он летел прямо на меня, и в голову мне пришла очень странная мысль – нам с альбатросом суждено слиться и вместе мы станем существом иного уровня бытия: Ангелом! Это и обрадовало меня, и напугало, но я по-прежнему стоял, раскинув руки, словно отражение летящего альбатроса. (Я думал, как удивится Другой, когда я влечу во Второй юго-западный Зал на Ангельских Крыльях, неся ему вести о Мире и Радости!) Сердце мое стучало быстро-быстро.

В то мгновение, когда он долетел до меня, – в то мгновение, когда, я думал, мы столкнемся, подобно Планетам, и станем одним целым! – у меня вырвался сдавленный вскрик, что-то вроде: «А-а-а-а-ах!» И тут же я почувствовал, как меня отпустило напряжение, которое я долго сдерживал, но до того даже не замечал. Огромные белые крылья пронесли над моей головой. Я почувствовал движение Воздуха, ощутил резкий соленый запах Далеких Приливов и Ветров, гуляющих на просторе по Залам, которых я никогда не увижу.

Альбатрос пролетел над моим левым плечом. Я упал на Плиты. Он испуганно забил крыльями, выставил розовые лапы и рухнул на Пол, словно тяжелая груда перьев. В Воздухе он был дивным созданием – Небесным Гостем, – а на Плитах Зала превратился в обычного смертного, такого же неуклюжего, как и все мы. [*]

Мы оба приподнялись. Теперь, на сухих Плитах, он казался еще больше: его голова доходила мне почти до грудины. – Очень рад тебя видеть, – сказал я. – Милости прошу. Я

– Обитатель этих Залов. Один из Обитателей. Есть второй, но он не любит птиц, так что ты его, вероятно, не увидишь.

Альбатрос раскинул крылья и вытянул шею к Потолку. Он то ли защелкал, то ли заклокотал, что я расценил как приветствие. Сверху крылья у него были темные, почти черные, и на каждом как будто белая звезда.

Я снова принялся собирать водоросли. Альбатрос заходил по Залу, громко шлепая по Плитам серовато-розовыми лапами. Время от времени он подходил и с любопытством смотрел, чем я занимаюсь.

На следующий день я вернулся. Альбатрос поднялся по Лестнице и исследовал Сорок третий Вестибюль. Но мало того: до чего же я обрадовался, когда увидел в Вестибюле двух альбатросов! К нему присоединилась жена! (А может, первый альбатрос был самкой, а к ней прилетел муж. Тогда я не имел данных, чтобы решить этот вопрос.) У нового альбатроса был другой рисунок на верхней стороне крыльев – белые крапинки, словно капли серебристого дождя. Два альбатроса расправили крылья; они танцевали один вокруг другого, тянули клювы к Потолку и кричали весело, хотя и скрипуче; они тюкались длинными розовыми клювами, выражая свою радость.

Через несколько дней я снова их навестил. На сей раз они вели себя тише, а в атмосфере Вестибюля чувствовалось уныние. Альбатрос, которого я считал самцом (тот, что со звездами на крыльях), принес из Нижнего Зала довольно

много водорослей. Он брал их клювом и складывал в кучу. Через несколько минут, недовольный результатом, он принялся стаскивать их в другое место. На моих глазах это произошло раз десять.

– Кажется, я понимаю твое затруднение, – сказал я. – Ты хочешь построить гнездо, но не можешь отыскать подходящего материала. Тут лишь мокрые холодные водоросли, а тебе нужно что-нибудь сухое, чтобы сделать уютный дом для твоего яйца. Не волнуйся. Я тебе помогу. У меня есть запас сухих водорослей. Насколько я могу судить, не будучи птицей, они будут подходящим строительным материалом. Прямо сейчас пойду и принесу.

Звездчатый альбатрос расправил крылья, вытянул шею к Потолку и хрипло забулькал. Думаю, так он выражал радость и нетерпение.

Я вернулся в Третий северный Зал. Положил на рыбачью сеть толстый полиэтилен, а на него – столько водорослей, сколько, по моим прикидкам, требовалось для гнезда двум огромным птицам. Получилась довольно большая куча – мой запас водорослей примерно на три дня, и я знал, что если отдам их, то буду мерзнуть. Но померзнуть несколько дней – пустяки в сравнении с тем, что в Море появится новый альбатрос. К этой куче я добавил еще кое-что. Во-первых, чистые белые перья, которые нашел и сохранил без всякой цели, просто оттого что они мне нравились, а во-вторых, старый шерстяной свитер, такой дырявый, что уже почти не

мог служить одеждой, зато обещал стать чудесной подстилкой для драгоценного яйца.

Я притащил сеть в Сорок третий Вестибюль и был вознагражден интересом, который звездчатый альбатрос проявил к ее содержимому: он схватил клювом пучок водорослей и начал примерять к разным местам.

Вскоре после этого альбатросы построили гнездо диаметром около метра и отложили в него яйцо. Они оказались образцовыми родителями – прилежно высиживали яйцо, а теперь так же прилежно заботятся о птенце. Птенец растет медленно и оперяться пока не собирается.

Я назвал этот год Годом, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос.

Птицы молча сидят в Шестом западном Зале

*Запись от Тридцать первого дня Пятого месяца в Год,
когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос*

С тех пор как два года назад рухнули Потолки Двадцатого и Двадцать первого северо-восточных Залов, Погода в этой части Дома изменилась. Облака всплывают через проломы в Средние Залы, где раньше такого не бывало. Из-за этого Мир стал серым и зябким.

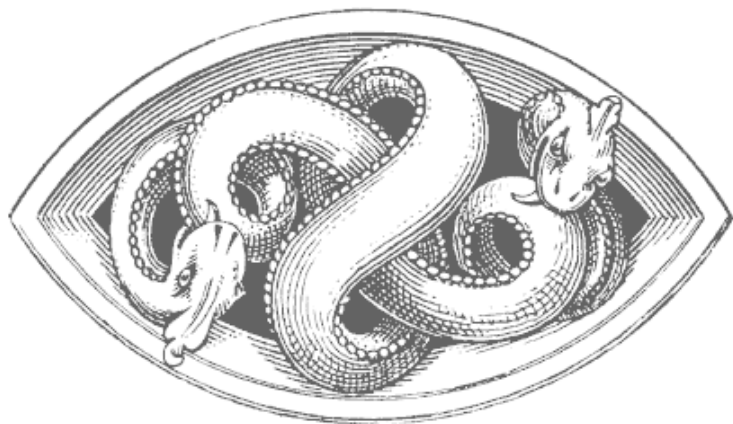
Сегодня утром я проснулся от холода. Пока я спал, в Третий северный Зал вползло Облако. Статуи казались изящными белыми рисунками на белом туманном фоне.

Я встал рано и занялся обычными повседневными делами. Собрал в Десятом Вестибюле водоросли и приготовил питательный согревающий суп, затем отправился в Третий юго-западный Зал – продолжить работу над Каталогом Статуй.

В Доме было непривычно тихо. Птицы не летали и не пели. Куда они все подевались? Видимо, затянутый Туманом Мир подействовал на них так же угнетающе, как и на меня. Наконец я разыскал их в Шестом западном Зале. Они сидели на Голове и на Плечах у каждой Статуи, на каждом Пьедестале и Колонне. Сидели молча и ждали.

Затопленные Залы

Запись от Восьмого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

К востоку от Первого Вестибюля Дом пребывает в Упадке.

Пол Верхних Залов проломился, Кладка и Статуи обрушились в Средние и Нижние Залы, завалив Дверные Проемы. В сорока или даже пятидесяти Залах, отрезанных от Приливов, скопилась Дождевая Вода, образовав темные застойные Озера. Окна здесь до половины залиты Водой или засыпаны Обломками и потому тусклые и серые, а поскольку сюда не долетает шум Приливов, в этих Залах стоит необычная тишина.

Таковы Затопленные Залы.

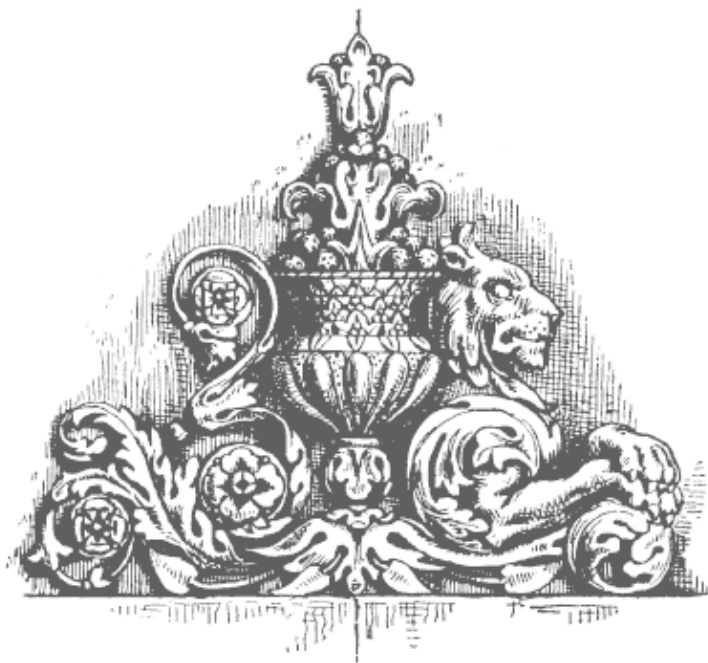
По Окраинам этой Области Воды мелкие, спокойные и покрыты кувшинками, однако в центре они глубоки и коварны, наполнены обломками Кладки и затонувшими Статуями. Затопленные Залы по большей части недостижимы, но в некоторые можно проникнуть с Верхнего Уровня.

Там есть исполинские Статуи с курчавыми Головами и Бородами. Каменные великаны селятся вырваться из Стен, их Торсы наклонены над Темной Водой. Один склонился так низко, что его широкая мускулистая Спина образует почти горизонтальный уступ примерно в полуметре над Водой. С нее очень удобно ловить рыбу.

Лучше всего делать это по ночам, когда рыба приплывает играть в ярком Лунном Свете и ее легко разглядеть.

Облака над Девятнадцатым восточным Залом

*Запись от Десятого дня Шестого месяца в Год, когда в
Юго-западные Залы прилетел Альбатрос*

Некогда я боялся жить слишком близко к Приливам. Слыша их Грохот, я бежал и прятался. В своем невежестве я боялся, что они захлестнут меня и я утону.

По возможности я держался Сухих Залов, где Статуи не обросли ракушками, не увешаны обрывками водорослей, а Воздух не пахнет Приливами; другими словами, Залов, которые в последнее время не затопляло. Недостатка Воды я не испытывал; почти во всех Залах Пресная Вода низвергается сверху (иногда можно видеть Статую, почти рассеченную пополам Водой, хлеставшей на нее веками). Иное дело пропитание – ради него мне приходилось одолевая страх перед Приливами. Я шел в Вестибюли и спускался по Лестницам в Нижние Залы, к самой Кромке Океана. Однако Сила Волн внушала мне боязнь.

Даже тогда я знал, что Приливы неслучайны. Я понимал, что, если отмечать и записывать время, я научусь их предсказывать. Так я начал вести Таблицу. Однако, хоть я кое-что узнал о Приливах, Природа их оставалась мне неведома. Я думал, все Приливы более или менее одинаковы. Я шел встречать Прилив, ожидая, что он принесет много рыбы и водорослей, и, к своему изумлению, видел лишь чистую прозрачную Воду.

Я часто голодал.

Страх и голод вынудили меня исследовать Дом. Тогда я узнал, что Затопленные Залы обильны рыбой. Там Воды спокойнее и меньше меня пугали. Трудность заключалась в том,

что Затопленные Залы со всех сторон окружены Запустением. Чтобы в них попасть, надо подняться в Верхние Залы и через Проломы в Полу спускаться по Развалинам.

Как-то я не ел два дня и решил поискать еду в Затопленных Залах. Я поднялся в Верхние Залы, что само по себе было нелегко, поскольку я очень ослабел. Лестницы, хотя и отличаются размерами, по большей части повторяют величественные масштабы самого Дома, и Ступени у них раза в два выше, чем мне было бы удобно. (Как будто Бог строил Дом, чтобы заселить его Великанами, но потом отчего-то передумал.)

Я вошел в один из Верхних Залов, тот, что прямо над Деятнадцатым восточным. Отсюда я намеревался спуститься в Затопленные Залы, но, к ужасу своему, обнаружил, что Зал полон Облаками – серой, зябкой, непроницаемой пеленой.

Со мной был мой Дневник. Я сверился с ним и узнал, что посещал эти Края и составил подробное описание следующего Зала, того, что над Двадцатым восточным. Я отметил сюжеты и состояние тамошних Статуй, а одну даже набросал. Однако об этом Зале – Зале, на Пороге которого я стоял, Зале, полностью затянутом Облачной Пеленой, – в записях не было ни слова.

Сейчас я бы счел безумием исследовать Зал, который я не вижу и о котором у меня нет записей, но сейчас я и не довожу себя до такого голода.

Примыкающие Залы обычно схожи. Зал позади меня был

примерно 200 метров в длину и 120 – в ширину; с высокой вероятностью Зал впереди был такой же. Расстояние не представлялось мне слишком большим; я больше тревожился из-за Статуй. Судя по тому, что удавалось различить впереди, они изображали Людей или Полулюдей раза в два-три выше меня ростом, схватившихся в ожесточенной борьбе: Воины сражаются, Мужчин и Женщин похищают Сатиры и Кентавры, Осьминоги рвут Людей на части. Почти во всех Областях Дома выражения у Статуй радостные, или безмятежные, или отрешенные, но Лица здешних были искажены воплями ярости.

Я решил идти осторожно: очень больно бывает напороться на выставленную мраморную Руку.

Так что я вошел в Облако и медленно двинулся вдоль северной Стены. Из бледной Дымки одна за другой выступали Статуи. Они стояли вдоль Стены так тесно и в таких изощренно вывернутых позах, что я шел как будто под плакучими ветвями огромного леса Рук и Тел.

Одна Статуя упала со Стены и лежала на Полу грудой обломков. Для меня это должно было стать предупреждением.

Я дошел до того места, где очередная Статуя далеко выдавалась в Зал. Она изображала Воина под Копытами Кентавра. Воин запрокинулся к самым Плитам, его могучие Руки были воздеты Ладонями вверх, Пальцы мучительно сжаты. Я сделал шаг в сторону от Стены, чтобы обойти Статую, и под ногами у меня оказалась...

...пустота.

Пола не было! Подо мною не было Каменных Плит! Я падал! Я в панике рванулся к Стене! И ощутил под собой опору! Я лежал над Пустотой, не в силах шевельнуться от страха, ничего не соображая от ужаса и потрясения. Каким-то чудом я упал в Руки Поверженному Воину. Они были мокрые и страшно скользкие; любое мое движение угрожало тем, что я сорвусь в Бездну. Всхлипывая от страха и цепляясь за Поверженного Воина каждой частицей моих сил, я вполз по его Рукам к Голове, с Головы перебрался на Грудь и оттуда втиснулся под Атакующего Кентавра, который подобием Потолка нависал в двух или трех сантиметрах над моей головой. Облако было настолько плотным, что я не видел, где снова начинается Пол.

Я пролежал там весь день и всю ночь, полумертвый от страха, но исполненный благодарности к Поверженному Воину за мое спасение. К утру поднялся Ветер и унес Облако на запад. Я заглянул в Пролом и увидел на головокружительном расстоянии – метрах в 30 внизу или даже больше – темные Воды Затопленного Зала.

Разговор

Запись от Одиннадцатого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Помимо регулярных встреч с Другим и тихого, утешительного соседства Мертвых, есть еще птицы. Птиц понимать нетрудно. Их поведение говорит мне, о чем они думают. Как правило, о чем-то таком: «Это еда? Точно еда? А это? Должно быть, еда. Наверняка еда». Или, временами: «Идет дождь. Мне неприятно».

Такие замечания хороши, чтобы по-соседски перекинуться несколькими словами, но не свидетельствуют о глубоком интеллекте. Однако я подозреваю, что птицы мудрее, чем видится на первый взгляд, но выказывают свою мудрость лишь иногда и только намеками.

Однажды осенним вечером я ступил в Дверной Проем Двенадцатого юго-восточного Зала с намерением выйти в Семнадцатый Вестибюль и обнаружил, что не могу сделать

шага вперед. Вестибюль был полон птицами, и все они летали: кружили в танце, подобном смерчу. Они были как будто столб дыма, который местами то сгущался, то становился реже. Я наблюдал этот танец неоднократно, всегда по вечерам в последние месяцы года.

Другой раз я вошел в Девятый Вестибюль и увидел там множество маленьких птичек. Они были разные, но преобладали воробьи. Не успел я сделать несколько шагов, как целая стая вспорхнула в Воздух. Птицы дружно пронеслись вдоль восточной Стены, потом вдоль южной, затем повернули и облетели меня по широкому кругу.

– Доброе утро, – сказал я. – Надеюсь, вы все здоровы?

Многие птицы опустились где попало, но несколько – около десятка – полетели к Статуе Садовника в Северо-западном углу. На ней они просидели секунд тридцать, потом, также вместе, перепорхнули на более высокую Статую у западной Стены – Женщину, несущую Улей. На Женщине, несущей Улей, птицы пробыли с минуту, затем унеслись прочь.

Я гадал, почему из примерно тысячи Статуй Вестибюля птички выбрали именно эти. У меня мелькнула мысль, что обе Статуи могут изображать Усердие. Садовник, дряхлый и сгорбленный, продолжает возделывать сад. Женщина занимается пчеловодством, а Улей у нее в Руках полон пчелами, которые также прилежно исполняют свои обязанности. Неужели птицы хотели сказать мне, чтобы я усердно трудил-

сы? Вряд ли! В конце концов, я и без того усердно тружусь! Я как раз шел в Восьмой Вестибюль ловить рыбу. За спиной я нес рыбацью сеть и ловушку для омаров, сделанную из старого ведра.

Предостережение птиц – если это и впрямь было оно – казалось бессмысленным, но тем не менее я решил последовать необычному ходу рассуждений и посмотреть, к чему это приведет. В тот день я поймал семь рыбин и четырех омаров. Никого из них я не выбросил обратно в воду.

В ту ночь с Запада налетел Ветер и принес неожиданную Грозу. Приливы сделались бурными, и рыба ушла из привычных Залов далеко в Море. В следующие два дня я ничего не поймал, и если бы не внял птичьему предостережению, то остался бы без еды.

После этого я составил гипотезу: возможно, птичья мудрость заключена не в отдельной птице, а в стае, в общности. Я пытался придумать эксперимент для проверки моей теории. Затруднение, насколько я понимаю, состоит в том, что невозможно узнать заранее, когда такое произойдет. Значит, на ближайшие месяцы или даже годы остается одно: тщательно наблюдать и записывать. К несчастью, это невозможно, поскольку у меня очень много времени занимает работа с Другим (я, разумеется, говорю о наших поисках Великого Тайного Знания).

И все же, памятуя о своей гипотезе, я запишу то, что случилось сегодня утром.

Я вошел во Второй северо-восточный Зал, и он, как прежде Девятый Вестибюль, оказался заполнен разнообразными мелкими птичками. Я весело крикнул им: «Доброе утро!»

Тут же десятка два птичек стремительно унеслись к северной Стене и расселись на Высоких Статуях. Затем разом перепорхнули к западной Стене.

Я вспомнил, что прошлый раз такое было прологом к посланию.

– Я весь внимание! Что вы хотите мне сказать? – крикнул я и стал тщательно наблюдать, как они поступят дальше.

Птицы разделились на две стайки. Одна перелетела на Статую Ангела, дующего в Трубу, другая – на Статую Корабля, плывущего по невысоким Волнам.

– Ангел с трубой и корабль, – сказал я. – Очень хорошо.

Первая стайка перелетела на Статую Мужчины, читающего большую Книгу, вторая – на Статую Женщины, показывающей Блюдо либо Щит; на Щите изображены Облака.

– Книга и облака, – сказал я. – Да.

Наконец первая стайка перепорхнула на Статую Ребенка, склонившегося над Цветком, который держит в Руке; Голова у Ребенка в таких пышных Кудрях, что сама как Цветок; вторая стайка перелетела на Статую Мешка с Зерном, который пожирает Орда Мышей.

– Дитя и мыши, – сказал я. – Очень хорошо. Вижу.

Птицы разлетелись по всему Залу.

– Спасибо! – крикнул я им. – Спасибо!

Если моя гипотеза верна, то птицы передали мне очень замысловатое сообщение. Что оно означает?

Ангел с трубой и корабль. Ангел с трубой наводит на мысль о послании. Радостном? Возможно. Однако ангельская весть может быть и скорбной, и суровой. Посему неясно, доброе послание или дурное. Корабль наводит на мысль о дальних странствиях. *Послание издалека.*

Книга и облака. Книга содержит Написанное. Облака его затуманивают. *Написанное послание с туманным смыслом.*

Дитя и мыши. Дитя означает Простодушие. Мыши пожирают Зерно. Мало-помалу оно убывает. *Простодушие утрачивается.*

Вот что, насколько я могу заключить, сказали мне птицы. *Послание издалека. Туманные письма. Утрата простодушия.*

Занятно.

Через некоторое время – скажем, через несколько месяцев – я вернусь к этой записи. Возможно, последующие события прольют на нее свет либо она поможет истолковать эти события.

Адди Домар

Запись от Пятнадцатого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Сегодня утром во Втором юго-западном Зале Другой сказал:

– Я буду работать над ритуалом, так что тебе тут торчать не обязательно.

Ритуал – элемент церемониальной магии, посредством которой Другой намерен высвободить Великое Тайное Знание

из того, что удерживает его в Мире, и передать нам. До сего дня мы отправляли Ритуал четырежды, каждый раз в немного иной версии.

– Я внес кое-какие изменения, – продолжал он, – и хочу послушать, как они звучат, так сказать, в естественных условиях.

– Я тебе помогу, – с жаром ответил я.

– Отлично, – сказал он. – Только не отвлекай меня болтовней. Мне нужно сосредоточиться.

– Разумеется, – согласился я.

Сегодня Другой был в сером костюме, белой рубашке и черных ботинках. Он положил свое блестящее устройство на Пустой Пьедестал.

– Это ритуал вызова, а значит, ведун должен стоять лицом к востоку, – произнес он. – Где тут восток?

Я показал.

– Так, – ответил он.

– Где мне встать?

– Где угодно. Не имеет значения.

Я встал в двух метрах к югу от него и решил, что буду смотреть на север, то есть на него. У меня нет ни знаний, ни интуиции касательно ритуалов, но представлялось, что это правильная позиция для того, кто прислуживает Истолкователю Мистерий.

– Что мне делать? – спросил я.

– Ничего. Просто не отвлекай меня.

– Я сосредоточусь на том, чтобы поделиться с тобой силой моего Духа.

– Хорошо. Отлично. Займись этим. – Он заглянул в свое блестящее устройство. – О'кей. Больше всего изменений я внес в первую часть ритуала. До сих пор я просто взывал к знанию, прося его снизойти на меня. Это ничего не дало, так что сейчас я буду заклинать дух Адди Домара.

– Кто такой Адди Домар? – спросил я.

– Король. Давно умерший. Обладавший знанием. Или, по крайней мере, его частью. Мне удавалось вызывать Адди Домара для помощи в других ритуалах, особенно в... – Он осекся и некоторое время смотрел растерянно. – Мне успешно удавалось вызывать его в прошлом, – закончил он.

Другой принял величавую позу Истолкователя Мистерий – расправил спину, отвел плечи назад и вскинул голову. Мне он напомнил Статую Иерофанта^[*] из Девятнадцатого южного Зала.

Внезапно я осознал значимость его слов.

– О! – воскликнул я. – Ты никогда не говорил, что знаешь имя одного из Мертвых! А ты знаешь, кого из них так зовут? Если да, пожалуйста, скажи мне! Я бы очень хотел обратиться к нему по имени, когда подношу еду и питье!

Другой прервал свое занятие и наморщил лоб.

– О чем ты? – спросил он.

– О Мертвых, – с жаром ответил я. – Если тебе и впрямь известно одно из их имен, пожалуйста, скажи мне, кому оно

принадлежит.

– Ничего не понял. Кто, чего, кому?

– Ты говорил, что в былые времена кто-то из Мертвых обладал Знанием. Затем оно было утрачено. И я хочу знать, кто это из них. Человек с Коробкой из-под Печенья? Завалявшийся Человек? Или кто-то из Обитателей Ниши?

Другой непонимающе уставился на меня.

– Какая коробка из-под печенья? О чем ты? А, погоди. Это как-то связано с теми костями, которые ты нашел? Нет. Нет-нет-нет. Они не... Это не... Да господи боже! Я же сказал – мне надо сосредоточиться! Сказал ровно минуту назад! Можно не затевать сейчас разговоры? Я пытаюсь отработать ритуал.

Мне сделалось стыдно. Я помешал важной работе Другого.

– Да, конечно, – сказал я.

– У меня нет времени отвечать на посторонние вопросы, – буркнул он.

– Извини.

– Буду признателен, если ты просто помолчишь.

– Обещаю молчать.

– Хорошо. Отлично. О'кей. На чем я остановился? – Другой набрал в грудь воздуха, снова выпрямился и запрокинул голову. Он воздел руки и звучным голосом несколько раз воззвал к Адди Домару, разными словами убеждая того прийти.

В наступившей тишине он постепенно опустил руки и ослабил плечи.

– О'кей. Когда я буду делать это по-настоящему, может быть, поставлю жаровню. Воскурю какой-нибудь фимиам. Посмотрим. За призывом следует перечисление. Я называю способности, которые хочу получить: уничтожение Смерти, проникновение в низшие разумы, и так далее, и так далее. Важно зрительно представлять в уме каждую способность, то есть, перечисляя их, я воображаю, что живу вечно, читаю чужие мысли, становлюсь невидимым и все прочее.

Я вежливо поднял руку. (Не хотел, чтобы меня упрекнули за посторонние вопросы.)

– Да? – огрызнулся он.

– Мне тоже так делать?

– Да. Если хочешь.

Тем же звучным голосом Другой перечислил способности, которые дает Знание, и, когда он возгласил: «Называю способность летать!», я вообразил, как преображаюсь в скопу и лечу с другими скопами над Бушующими Приливами. (Изо всех способностей, какие называл Другой, это моя любимая. Если совсем честно, к остальным я в целом равнодушен. Зачем мне становиться невидимым? По большей части меня и так никто не видит, кроме птиц. И я не стремлюсь жить вечно. Дом отвел свой срок птицам, свой срок – людям. Меня это вполне устраивает.)

Другой дошел до конца перечня. Я видел, что он обдумыв-

вает те части ритуала, которые уже исполнил, и не удовлетворен ими. Лицо его скривилось, взгляд был обращен вдаль.

– Я чувствую, что должен обращать это к некоему... к некой энергии, к чему-то живому и активному. Я хочу обрести могущество, значит мне следует вызывать к чему-то могущественному. Разумно ведь?

– Да, – согласился я.

– Но здесь нет ничего могущественного. Даже живого ничего нет. Только одинаковые скучные помещения и бесконечные старые скульптуры, заляпанные птичьим дерьмом.

Он угрюмо замолчал.

Я давно знал, что Другой не чтит Дом, как я, и все равно меня ужаснули его слова. Как может столь умный человек говорить, будто в Доме нет ничего живого? Нижние Залы полны морскими тварями и растениями, среди которых много прекрасных и удивительных. Сами Приливы такие мощные и стремительные, что, если и не вполне живые, неживыми их тоже назвать нельзя. В Средних Залах обитают люди и птицы. Тот самый помет, на который жаловался Другой, есть свидетельство Жизни. И неправильно говорить, будто все Залы одинаковые. Они отличаются стилем Колонн, Пилястров, Ниш, Апсид, Фронтонов и прочего, а также числом Дверей и Окон. В каждом Зале свои Статуи, и они не повторяются, а если где-то и повторяются, то так далеко, что я до сих пор не видел двух одинаковых.

Впрочем, не было смысла сейчас это говорить. Я знал, что

лишь рассержу его еще больше.

– А как насчет Звезды? – спросил я. – Если мы совершим Ритуал ночью, ты сможешь обратиться Призыв к Звезде. Звезда источает энергию и силу.

Другой немного помолчал, потом ответил с некоторым удивлением:

– Верно. Звезда. Вообще-то, неплохая мысль.

Он еще немного подумал.

– Неподвижная звезда лучше блуждающей. И она должна быть яркой – гораздо ярче окружающих звезд. А еще лучше – найти в лабиринте какое-нибудь исключительное место и совершить ритуал там, обращаясь к самой яркой звезде! – На какое-то время он преисполнился энтузиазмом. Потом вздохнул и сник. – Но ведь это же невозможно, да?

И он снова стал говорить, что все Залы совершенно одинаковые, только называл их «помещениями» и употреблял уничижительный эпитет.

Во мне вскипел гнев, и мгновение я думал, что ничего ему не расскажу. Потом мне подумалось: нехорошо наказывать его за то, что он не в силах изменить. Не его вина, если он видит иначе, чем я.

– Вообще-то, – сказал я, – есть один Зал, не такой, как все остальные.

– Да? Ты никогда об этом не говорил. В чем его отличия?

– У него только один Дверной Проем и нет Окон. Я видел его лишь раз. Там странная атмосфера, которую трудно опи-

сать: величественная, загадочная и в то же время исполненная Присутствия.

– Ты хочешь сказать, как в храме? – спросил он.

– Да. Как в храме.

– Тогда почему ты никогда о нем не упоминал? – с прежним раздражением спросил Другой.

– Это довольно далеко отсюда. Я думал, ты вряд ли...

Однако ему неинтересно было слушать мои объяснения.

– Мне нужно увидеть это место. Ты можешь меня отвести? Сколько туда идти?

– Это Сто девяносто второй западный Зал, и он в двадцати километрах от Первого Вестибюля, – ответил я. – Идти туда три целых семьдесят шесть сотых часа, не считая времени на отдых.

– Ого, – сказал он.

Я понимал, что донельзя его огорчил (сам того не желая). Другой не стремится исследовать Мир. Вряд ли он когда-нибудь отходил от Первого Вестибюля дальше чем на пять Залов.

Он сказал:

– Мне нужно знать, какие звезды видны из двери этого помещения. Есть какие-нибудь соображения?

Я задумался. Развернут ли Сто девяносто второй западный Зал в направлении восток-запад? Или юго-восток – северо-запад? Я покачал головой.

– Не знаю. Не могу вспомнить.

– А можешь пойти туда и выяснить? – спросил он.

– Пойти в Сто девяносто второй западный Зал?

– Да.

Я замялся.

– В чем проблема? – спросил он.

– Путь в Сто девяносто второй западный Зал лежит через Семьдесят восьмой Вестибюль, Область, которую часто затопляет. Сейчас там должно быть сухо, но Приливы несут Обломки из Нижних Залов и оставляют их на Плитах. У некоторых Обломков острые края, о которые можно порезать ноги. Порезы на ногах – это плохо. Чревато заражением. По Битому Мрамору надо идти очень осторожно. Это осуществимо, но трудно. Займет много времени.

– О'кей, – сказал Другой. – Обломки. Но я все равно не совсем понимаю, в чем проблема. Раньше ты проходил через это место, и ничего с тобой не случилось. Почему нельзя сделать это сейчас?

Я покраснел и потупил взор. Другой был такой элегантный, такой опрятный в своем костюме и сверкающих ботинках. Обо мне такого сказать нельзя. Моя одежда изорвалась и выцвела, истлела от Соленой Воды, в которой я ловлю рыбу. Не хотелось привлекать внимание к этому контрасту между нами, однако он спросил, и я должен был ответить. Я сказал:

– Тогда у меня были ботинки. Теперь нет.

Другой изумленно воззрился на мои темные босые ноги.

– Когда это случилось?

– Примерно год назад. Они развалились.

Он расхохотался.

– Почему ты ничего не сказал?

– Не хотел тебя беспокоить. Думал, сумею изготовить обувь из рыбьей кожи, но до сих пор не нашел времени. Мне некого винить, кроме себя.

– Честно говоря, Пиранези, – сказал Другой, – ты редкостный идиот! Если это мешает тебе пойти в... в... как ты называл то помещение...

– Сто девяносто второй западный Зал, – вставил я.

– Да. Не важно. Если дело только за этим, я принесу тебе обувь.

– О! Это будет... – начал я.

– Не благодари. Просто добудь мне нужные сведения. Больше я ничего не прошу.

– Обязательно! – пообещал я. – В ботинках я доберусь до Сто девяносто второго западного Зала за три с половиной часа. Максимум за четыре.

Ботинки

Запись от Шестнадцатого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Сегодня по пути к Третьему юго-западному Залу я прошел через Второй юго-западный. На Пустом Пьедестале, к которому обычно прислоняется Другой, стояла картонная коробка. Темно-серая. На крышке более светлым оттенком серого был нарисован осьминог и оранжевыми буквами написано: «АКВАРИУМ».

Я открыл коробку. Сперва мне показалось, что в ней ничего нет, кроме тонкой белой бумаги, но когда я снял бумагу, то обнаружил под ней пару ботинок. Они были из плотной ткани сине-зеленого цвета (как Прилив Южных Залов), на толстых подошвах из белой резины и с белыми шнурками. Я вытащил ботинки из коробки и надел. Они подошли идеально. Я на пробу сделал несколько шагов. Ботинки приятно пружинили, и ногам в них было мягко.

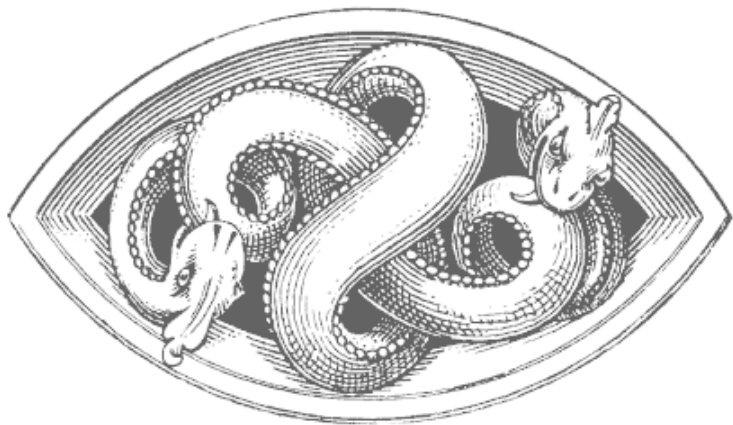
Весь день я бегал и танцевал – до того хорошо мне было в новых ботинках.

– Смотрите! – крикнул я воронам в Первом северном Зале, когда те слетели с высоких Статуй взглянуть, что я делаю. – У меня новые ботинки!

Однако вороны только закаркали и улетели наверх.

Список вещей, которые я получил от Другого

Запись от Семнадцатого дня Шестого месяца в Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос

Я составил список всего, что получил от Другого, чтобы помнить, и быть признательным, и благодарить Дом за такого замечательного друга!

В Год, когда я дал имена Созвездиям, Другой принес мне:

- спальный мешок
- подушку
- 2 одеяла
- 2 рыболовные сети из синтетического полимера
- 4 больших листа толстого полиэтилена
- фонарик. Я никогда им не пользовался и не помню, куда его положил.
- 6 коробков спичек
- 2 флакона мультивитаминов

В Год, когда я сосчитал Мертвых и дал им имена, он принес мне:

- сэндвич с сыром и ветчиной

В Год, когда рухнули Потолки Двадцатого и Двадцать первого северо-восточных Залов, он принес мне:

- 6 пластиковых мисок. Ими я собираю Пресную Воду, которая льется через Щели в Потолке и стекает по Лицам Статуй. Одна миска голубая, две красные и три облачного цвета. С мисками облачного цвета трудно – они почти такие же серовато-белые, как Статуи. Когда я ставлю их где-нибудь собирать Воду, они тут же сливаются с окружающим мрамором, и я не могу отыскать их взглядом. Одна пропала в прошлом году, и я до сих пор ее не нашел.

- 4 пары носков. Две Зимы моим ногам было тепло и уютно, но теперь носки совершенно протерлись. К сожалению, Другой не догадался подарить мне новые.

- удочку и леску
- апельсин
- кусок рождественского кекса
- 8 флаконов мультивитаминов
- 4 коробка спичек

В Год, когда я дошел до Девятьсот шестидесятого западного Зала, он принес мне:

- новую батарейку для часов
- 10 новых тетрадей
- разные канцелярские принадлежности, в том числе 12 больших листов бумаги для составления Звездных Карт, конверты, карандаши, линейку и несколько ластиков
- 47 ручек
- еще мультивитамины и спички

В нынешний год (Год, когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос) он на сегодняшний день принес мне:

- еще 3 пластиковые миски. Они лучше всех, потому что яркие и не теряются. Одна оранжевая, две – разных оттенков зеленого.
- 4 коробка спичек
- 3 флакона витаминов
- пару новых ботинок!

Я стольким обязан щедрости Другого! Без него бы я не мог спать Зимой в теплом и уютном спальном мешке. У меня не было бы тетрадей, чтобы записывать свои мысли.

Тем не менее я временами гадаю, почему Дом снабжает Другого таким разнообразием вещей, дает ему спальные мешки, ботинки, пластиковые миски, сырные сэндвичи, тетради, куски рождественского кекса и так далее, а мне все больше рыбу. Думаю, это потому, что Другой хуже меня умеет о себе позаботиться. Рыбу ловить он не умеет. Он никогда

(насколько мне известно) не собирает и не сушит водоросли для костра или для вкусной еды, не заготавливает рыбью кожу (из которой можно сделать столько всего полезного). Если бы Дом не обеспечивал его нужными вещами, он бы, наверное, умер. Либо (что более вероятно) мне пришлось бы посвящать значительную часть времени заботе о нем.

Никто из Мертвых не откликнулся на имя Адди Домар

*Запись от Восемнадцатого дня Шестого месяца в Год,
когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос*

Я уже несколько дней не навещал Мертвых, поэтому сегодня пошел к ним. Нелегкая задача – обойти их всех за один день, поскольку они лежат на расстоянии в несколько километров друг от друга. Я оставил каждому приношение воды, еды и кувшинок, которые собрал в Затопленных Залах.

У каждой Ниши и Пьедестала я шептал имя Адди Домар в надежде, что кто-нибудь из них – тот, кому оно принадлежит, – как-нибудь выразит согласие. Однако этого не произошло. Скорее, преклоняя колени у каждой Ниши и Пьедестала, я чувствовал некоторое противление, как будто они отвергают это имя.

Путешествие

*Запись от Девятнадцатого дня Шестого месяца в Год,
когда в Юго-западные Залы прилетел Альбатрос*

Сегодня я занимался всегдашними делами: ловил рыбу, собирал водоросли, работал над Каталогом Статуй. Во второй половине дня я взял немного припасов и двинулся в сторону Сто девяносто второго западного Зала.

По пути Дом показал мне много чудес.

В Сорок пятом Вестибюле я увидел Лестницу, сплошь обросшую мидиями. Одна из Статуй у ее Стены почти скрыта иссиня-черным ракушечным панцирем – выглядывает лишь половина Лица и одна белая, выставленная вперед Рука. Я зарисовал эту Статую в Дневнике.

В Пятьдесят втором западном Зале я вышел к Стене, залитой золотистым Светом, таким ярким, что Статуи как будто в нем растворялись. Оттуда я прошел в Комнату с немногими Окнами, где была прохладная тень. Я увидел Статую Женщины с большим Блюдом, из которого она, нагнувшись, поила Медвежонка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.